

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

2458 Sutter Street
San Francisco 15,
California.

Editor: Walnut 1-5381.
Office: Walnut 1-5380

"RUSSIAN LIFE"

RUSSIAN LIFE

КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО
С 9 ЧАСОВ УТРА ДО 5.30 ЧАС. ВЕЧЕРА,
КРОМЕ СУББОТ И ВОСКРЕСЕНИЙ.

Daily morning news except
Sunday, Monday & Holidays
"Second-class postage paid at
San Francisco, Calif."

Entered as second class matter
Aug. 5, 1921 at the Post Office
at San Francisco Calif., under
the Act of March 3, 1879.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

«Мы все — у Бога прижи-
валы»

А. Чехов — «Дядя Ваня».

Антон Павлович Чехов родился в бедной семье в Таганроге 17-го января 1860 года, скончался 2-го июля 1904 года в шварцвальдском курорте Баденеейлере. Так же тихо, как жил, так же спокойно и умер: выпил бокал шампанского, как велел доктор, отвернулся к стене, сказал доктору тихо:

«Их штербе» — я умираю — и умер.

Жизни ему было дано сорок четыре года.

Гигантские творения Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина» закрывают личность творца; Л. Н. Толстой, как человек, открывается много позже, как проповедник и учитель, он отходит от правды жизни, думая, что правду нашел, и странником уходит из жизни.

Антон Павлович — весь в своих творениях; творения не перед ним, а за ним.

«Беспристрастным свидетелем» прошел он через конец 19-го и начало 20-го века, и для изучения русской жизни в эту эпоху «все, написанное Чеховым — такой документ, как летопись Нестора для изучения начала Руси» (Е. Замятин).

Читая и вникая в его творения — рассказы и пьесы, мы видим их творца и видим нам близкого, нас понимающего, нам родного. Жизнь берется, как она есть, как она дарована нам нашей русской судьбой. Он связан не только с русским бытом, но и с бытием русского и, вообще, всякого человека. Чехов служил русскому человеку и не отрицал России. Он ее любил. Он служил той правде Божьей, которая неотрывна от души русского человека, и эта, ныне потерянная, правда, найдет себя.

В удивительной повести «Степь» мальчика Егорушку везут учиться в большой город. Едут втроем в бричке дядя мальчика Кузмичев, священник о. Христофор и сам Егорушка. Довезли Егорушку, куда нужно — вот и все. О. Христофор Сирийский — маленький длинновласый старичок, в сером парусиновом кафтане, в широкополом цилиндре и в шитом цветном поясе. Егорушку он поддерживает и укреп-

ляет: «Ломоносов так же вот с рыбаками уехал — однако из него вышел человек на всю Европу». Расставаясь с Егорушкой совсем, о. Христофор его наставляет: «Ты только учись да благодати набирайся, а уж Бог укажет, кем тебе быть».

Чехов учился у жизни, и Бог указал ему путь творческой радости и славы.

И дальше говорит о. Христофор: «Счастливее меня во всем городе человека нет... Грехов только много, да ведь один Бег без греха. Ежели бы, скажем, царь спросил: «Чего тебе надобно? Чего хочешь» — «Да ничего мне не надобно. Все у меня есть, и слава Богу».

Вот Липа, («В овраге»), ребенка которой от злобы обварила Акулиня, где-то в дороге спрашивает старика из Фирсанова: «Зачем маленькому мучиться, когда у него нет грехов? Зачем?!».

— А кто ж его знает, — ответил старик.... Всего знать нельзя, зачем да как. Птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух летать способно; так и человеку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобы прожить, столько и знает.

Это понимал «старик из Фирсанова», это понимал Чехов, а вот современный человек не понимает — от большого ума; знает многое и все узать хочет, а жизни нет — потому человеку «положено знать не все».

На все у Чехова есть ответ: по — божески и по — простоте, «по — мужицки».

Астров («Дядя Ваня») думает о тех, кто будет жить после нас, и вот те, «для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут?»

Нянька отвечает ему:

«Люди не помянут, зато Бог помянет».

Так же, как «нянька», всех утешает и согревает и мать Чехова Евгения Яковлевна, и сестра ее Феодосья Яковлевна, и сестра Маша, и все, почти все русские матери, сестры, жены.

Ольга Книппер, жена Чехова, была молодой обаятельной женщиной. Чувство ее разгоралось тогда, когда жизнь любимого человека погасала. И не отошла, а в последнюю мину-

ту при нем была. Была «Оля — радость моя». И проводив ее в Москву из Крыма, Чехов тоскует: «Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы хранители. Прощай, девочка хорошая».

Тоска Чехова о жизни и счастья людей — это вечная тоска совестливых русских людей. Это — русская обреченность. Возвращаясь из поездки на Сахалин и обезжая вокруг света, проезжал он Цейлон — место, где был рай. Красное море, хотя и унылое, но ведет к Синаю («Я умилялся на Синай»). — «Хорош Божий свет! Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения!» (Зайцев).

«В пятницу на Страстной студент Духовной Академии рассказывает бабам у костра, что происходило две тысячи лет тому назад в этот вечер в Иерусалиме, во дворе первосвященника: отречение Петра, петух, трижды возглашающий, слезы Апостола. «Когда простые бабы, слушая рассказ о Спасителе и апостоле Петре, заплакали, с ними плакало и сердце самого Чехова. Этой весной, 1894 года, ему открылось (явно), что «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду, во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле».

«Студент» был напечатан 16-го апреля 1894 года в «Русских Ведомостях», либеральной газете нашего детства — по ней мы учились читать. Вероятно, с недоумением читали этот рассказ интеллигенты с бородками клинышком, честные курсистки и благородные статистики в земствах». (Б. Зайцев).

«Простой веры» не было у самого Чехова, и по ней он (бессознательно) тосковал. «Его действенный и живой Бог, живая идея была человеколюбие». Так думает Б. Зайцев (Чехов. Литературная биография). «Бога церковного Чехов потерял еще в юности (так рассуждает Е. Замятин). Потерявши церковную религию, какую — то другую Чехов нашел еще не скоро: он долго жил без всякого Бога, без всякой веры».

Ничего это не было: все это приписано Чехову во имя либерального канона. У Чехова бы-

ла «простая вера», ощущение живого Бога, и этим пронизаны все его творения и вся его жизнь.

Вдумайтесь в конец совершеннейшего произведения «Архиерей». «А он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда хочет».

«Шел он, конечно, просто к Богу», говорит Б. Зайцев в прямое противоречие своим же собственным мыслям.

А. П. Чехов в конце своего пути тоже шел прямо к Богу. И всегда был с Богом.

К. Николаев.